

Е.М. Сергеев

Взгляд сквозь годы. Воспоминания

(Продолжение¹)

Евгений Михайлович СЕРГЕЕВ (1914–1997) — крупнейший советский и российский ученый в области грунтоведения, инженерной геологии и охраны геологической среды, талантливый педагог Московского государственного университета, выдающийся организатор геологической науки, академик АН СССР и РАН, лауреат Ленинской и Государственных премий СССР, участник Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. По инициативе Е.М. Сергеева в 1978 г. в издательстве «Наука» был открыт академический журнал «Инженерная геология» (сейчас существующий под названием «Геозкология: инженерная геология, гидрогеология, геоэкология»), главным редактором которого он являлся до 1987 г.

На страницах нашего журнала перепечатывается книга Е.М. Сергеева «Взгляд сквозь годы. Воспоминания», вышедшая в 2014 году в издательстве «ГЕОС» под редакцией В.И. Осипова (составители — О.Н. Еремина, Н.Е. Сергеева). Основой для нее послужили книги ученого «За строкой фронтового письма» (М.: Воениздат, 1985), «Московский университет: взгляд сквозь годы» (М.: Изд-во МГУ, 1992), а также его мемуары, не издававшиеся ранее. В публикации приводится правдивый рассказ о жизненном пути академика, неразрывно связанном с историей нашей страны.

Глава 17 Южный фронт. Ранение

Я получил новое назначение на должность старшего помощника начальника авиаразведки штаба фронта. Назначение начальника почему-то задерживалось, и мне пришлось немедленно приступить к исполнению его обязанностей. И первое же задание, которое пришлось выполнять, оказалось для меня крайне интересным: для решения некоторых вопросов я выезжал в дальний разведывательный авиационный полк, входивший в состав 8-й воздушной армии и укомплектованный самыми современными по тому времени самолетами Пе-2. Выяснилось, что в прямом подчинении отделения находятся два самолета У-2, стоящие на окраине Новошахтинска.

Командиром полка оказался полковник значительно старше меня по возрасту. Встретил он меня немного иронически. Его, по-видимому, раздражало, что в некотором отношении он оказался в подчинении у общеармейского майора, который раньше никакого отношения к авиации не имел.

Как я полагал, от первой встречи с командиром части зависело многое, и прежде всего то, как сложатся наши отношения. Мне кажется, я нашел правильный тон в разговоре, откровенно рассказав полковнику, что, хотя мне и приходилось заниматься разведкой, но не так уж много смыслом в специфике авиаразведки, с которой, коли уж я сюда прибыл, просил бы меня ознакомить. Такой характер разговора все и решил.

Выслушав меня, полковник заметно «оттаял», сказал вполне доброжелательно:

— Не волнуйся, майор, не боги горшки обжигают. Раз тебе поручили в это вникнуть, то поможем. Я так полагаю, что чем больше работники штаба фронта знают о деятельности частей и подразделений, тем лучше для всех. Так что выясняй все, что необходимо, секретов держать не будем. Мне кажется, что поработаю с пользой для дела. Только прошу тебя на первых порах не ставь нам никаких задач, предварительно не посоветовавшись со мной. Ты ведь технических возможностей наших самолетов не знаешь и летный состав тоже. А все это надо учитывать при постановке задачи на авиаразведку. Тебе виднее, что надо, а мне — что можно. Вот и будем решать вместе.

Действительно, полковник очень обстоятельно и доходчиво ответил на все мои вопросы. Беседа оказалась весьма для меня интересной. Но когда я высказал пожелание в составе экипажа Пе-2 слетать на воздушную разведку, полковник ответил решительным отказом, сославшись на то, что «Петляков» — это бомбардировщик, рассчитанный на экипаж из трех человек: командира, штурмана и стрелка-радиста. На место любого из них можно посадить только такого же высококвалифицированного специалиста, особенно если речь идет о разведывательных полетах, где только профессиональное мастерство каждого авиатора и четкое взаимодействие всех членов экипажа обеспечивают выполнение сложных задач.

— Если уж так рвешься в небо, — заключил командир полка, — летай на У-2: небось для работника штаба фронта организовать вылет на нем не проблема. Машина тоже именитая — на ней все, даже великие сейчас, лет-

¹ Начало — в № 1–6 журнала «Инженерная геология» за 2016 год и № 1–3 журнала «Инженерная геология» за 2017 год.

чики начинали. А на самолеты моего полка не рассчитывай. Я же объяснил тебе, что это не просто невозможно, но и нелогично, может только нанести ущерб делу.

Поскольку контраргументов я не нашел, та встреча на том и закончилась.

Мне и позже доводилось бывать в этом полку, беседовать с командирами, пилотами, штурманами, знакомиться с оборудованием кабин самолета. А вот полетать на Пе-2 командир полка так мне и не разрешил. Наверное, он все-таки был прав. После знакомства с деятельностью воздушных разведчиков я и сам убедился, как важна в их чрезвычайно сложной и опасной работе сработанность членов экипажей. А занимались они делом огромной важности и весьма успешно. Мне хотелось заглянуть поглубже в тыл к немцам, выяснить, где идет переброска войск у противника. Но полковник доказывал, что слишком далеко разведку пускать нельзя. Все же за относительно короткий срок экипажи полка разведали основные железнодорожные узлы и представлявшие для нашего командования интерес многие крупные населенные пункты Донбасса. Это по данным, полученным воздушными разведчиками, в штабе сложилось впечатление, что в полосе нашего фронта противник к крупным наступательным операциям не готовился, что впоследствии подтвердилось. Так что дело свое они знали хорошо.

Новая моя работа действительно оказалась очень живой, динамичной, а главное, творческой, заставлявшей непрерывно что-то продумывать, искать новые решения. Все это было близко по духу к тому, что я впитал в стенах университета, готовя себя к научной работе. Кстати, и с университетом у меня тогда наладилась наконец переписка. Одним из самых волнующих стало письмо от товарищей по МГУ, в котором сообщалось, что Комитет по делам высшей школы сохранил за мной Сталинскую стипендию. Вот ведь даже о чем не забывали люди в ходе такой жестокой войны! Хотелось, чтобы меня поняли правильно: радуясь этому, в общем-то, любого человека взволновавшему бы сообщению, я все же в тот момент не очень ясно представлял, сыграет ли оно когда-нибудь какую-нибудь роль в моей жизни. Ибо главным, определявшим все остальное, была война.

Несмотря на систематические поездки в войска, отнимавшие немало времени, я стал почти нормально отдыхать, чаще писать в Москву, Кувандык. 25 июня сообщил жене об одном событии, которое, как окажется, будет иметь неожиданное продолжение. Вот выдержка из письма: «Вчера в городе буквально столкнулся со Степаном Андреенком, о котором ты слышала от меня, но не как о майоре, которым он вдруг предстал передо мною, а как о вожаке комсомольской организации биологического факультета МГУ. Представляешь — это один из немногих университетских товарищей, встреченных мною здесь за два года пребывания на фронте! Работать будем почти рядом, найдем возможность при встречах вспомнить далекие и такие близкие студенческие годы...»

24 июня, после обеда, я шел по улице Новошахтинска из столовой в расположение своего разведотдела. Выглядел я тогда щеголевато. Новые хромовые сапоги, гимнастерка из английской шерсти, золотые погоны, лихо сдвинутая пилотка. Охрана из комендантской роты меня знала в лицо, и я не предъявлял документов, выходя и входя в расположение штаба фронта. Так было и на этот раз. Проходя, я только отметил про себя, что у какого-то военного тщательно проверяют документы. Он стоял ко мне спи-

ной. Бросился в глаза вещмешок за плечами, довольно потрепанная шинель и запыленные сапоги. Я прошел несколько шагов, когда меня остановил оклик:

— Товарищ майор, к Вам в разведотдел новый майор приехал.

Я обернулся.

— Андреенко!

— Сергеев! Вот не ожидал, что встречу здесь знакомых. Мы оба обрадовались друг другу.

— Ну и помучился я, прежде чем Вас нашел. Никто не знает, где штаб Южного фронта находится. Две недели еду от Калининского фронта к Южному. Как я рад, что наконец-то добрался. Сейчас где-нибудь надо помыться, побриться и идти представляться начальству.

— Идем сейчас ко мне. Приведешь себя в порядок. Отпразднуем твой приезд. А завтра утром представишься начальству. Кстати, недавно к нам прибыл новый начальник разведотдела — полковник Герценштейн.

Степан Сидорович Андреенко специализировался по организации агентурной разведки и в соответствии с этим ему надлежало отправиться во 2-е отделение нашего разведотдела, располагавшееся тогда в Ростове-на-Дону. Выезд был назначен на 28 июня, а поскольку от нас никакой оказии не предвиделось, то добираться ему пришлось бы случайным попутным транспортом. Вспомнил я свою «спецкомандировку» в Кувандык и особенно езду с ветерком на мотоцикле и, откровенно говоря, пожалел товарища. Но чем я мог ему помочь?

Однако недаром говорят, что на ловца и зверь бежит. Вечером 27 июня я получил задание вылететь утром на одном из приданных штабу фронта самолетов У-2, базировавшихся у окраины Новошахтинска, и проконтролировать, надежно ли укрыты от вражеского наблюдения наши оборонительные объекты, пункты дислокации войск. Когда я уточнил маршрут полета, увидел, что он пролегает неподалеку от расположения штаба 347-й стрелковой дивизии, в полосе которой мне довелось недавно организовывать добычу «языка». С тех пор я несколько раз пытался добраться туда, но все не представлялось случая.

А дело в том, что, ползая там по передовой, я повредил наградные часы. Увидев мое огорчение, кто-то подсказал, что в штабе соединения есть замечательный часовщик и он мигом их исправит. Часы я ему передал, но получить тогда не успел. Теперь же возникла возможность вернуть дорогую для меня реликвию, если, конечно, разрешат отклониться от маршрута и выполнить посадку рядом со штабом дивизии. А предварительно можно было бы отправить самолетом в Ростов Степана Андреенко, избавив его тем самым от дорожных осложнений.

Выслушав мою просьбу, начальник отдела подошел к висевшей на стене карте, упер кончик карандаша в точку, где находился штаб 347-й стрелковой дивизии, и задумчиво посмотрел на змеившуюся рядом с ней полосу линии фронта. Неужели откажет?

— Ну ладно, — произнес он наконец. — Именные часы от командующего фронтом — это награда, а значит, должна быть при Вас. Однако помните, что над прифронтовой полосой шныряют «мессершмитты», поэтому летите только на малой высоте. Рисковать категорически запрещаю.

Рано утром мы со Степаном подъехали к стоянке самолетов. Пилот одного из У-2 — молодой лейтенант, награжденный орденом Красного Знамени, как я уже знал,

за полеты в тыл врага на связь с партизанами, — доложил, что машина готова, спросил, какое будем выполнять задание.

Я ответил, что надо доставить майора Андрееенко в Ростов и вернуться обратно, после чего слетаем к линии фронта. Андрееенко сел в кабину самолета, техник крутанул винт, и через минуту У-2 взял курс на Ростов.

Был ясный, солнечный день, на небе — ни облачка. И только тут я ощутил реальность того, что в предшествовавших разговорах казалось абстракцией, — в такую погоду «мессершмитты» наверняка кружатся в районе Ростова и обнаружить У-2, даже летевший на малой высоте, когда от него бежала по земле черная тень, совсем нетрудно. Что, если я своего товарища на смерть послал?

Как я мог так легкомысленно поступить? Да и начальнику ничего об этом вылете не сказал...

Прилег я на травку под крылом оставшегося У-2, разговорился с авиатехником о разном, а мысли все вокруг опрометчивого поступка вертелись, и на душе лежало какое-то нехорошее предчувствие. Тревога еще больше возросла, после того как истекло ожидаемое время возвращения самолета. Теперь уже каждая минута тянулась мучительно долго. А тут еще разгулялся ветер, под его порывами вздрагивал и жалобно поскрипывал привязанный к специальным «штопорам» выдавший виды У-2. Что говорить, музыка — как раз по настроению!

— Что-то нет самолета. Как думаешь?

— Прилетит, куда ему деться, — беззаботно ответил техник.

И действительно, самолет прилетел. Но прилетел с опозданием примерно часа на два против расчетного времени.

— Все в порядке, товарищ майор. Долетели хорошо. Майор просил передать Вам свою благодарность, — как ни в чем не бывало доложил лейтенант.

— Что ж так долго?

— Да пока заправился. Нам ведь с Вами еще лететь надо, а с полным баком спокойнее. Ну и, честно говоря, позавтракал — у них там харч получше нашего, только вот обслуживают долго. Пиво там было очень хорошее. Хотел Вам захватить, да не во что. Зато теперь можно отправляться хоть на край света. Ну как, летим, товарищ майор?

А мне лететь уже расхотелось: очень перенервничал, как говорят, перегорел. И еще это предчувствие беды. Но об этом не скажешь, поэтому я выразил сомнение в целесообразности полета при таком сильном ветре.

— Ну что нам ветер? Это пустяки, справимся. Вы не бойтесь, все будет отлично.

Не скажи лейтенант «не бойтесь», я, пожалуй, все-таки не полетел бы. Но после этого выбора уже не было.

— При чем тут не бойтесь? Задание не такое срочное, поэтому у меня возникло сомнение, тем более что дел и здесь хватает. Вы же сами проканителелись в Ростове, вот и вышел я из своего графика. Но Вы, пожалуй, правы: раз решили лететь сегодня, значит, летим. Дайте Вашу карту!

Я показал лейтенанту место, где мы должны были приземлиться. На прокладку маршрута ему понадобилось несколько минут, и вот мы уже в воздухе...

Еще перед вылетом я уговорил пилота вести машину не «впритирку» к земле, а по возможности повыше, чтобы иметь лучший обзор. Он пообещал так и сделать, но, в свою очередь, попросил внимательно следить за задней

полусферой, чтобы избежать атаки «мессершмитта»-охотника. Так что в полете я усердно крутил головой, стараясь разглядеть все на земле и в воздухе.

Вот по расчету времени должны подлетать к нашему запасному оборонительному рубежу. Увижу ли я его? К сожалению, не только увидел, но даже определил, что на нем продолжаются работы. Нанес на карту то, что заметил. Надо будет обязательно доложить руководству о плохой маскировке рубежа — ведь вражеский воздушный разведчик-профессионал без особого труда мог обнаружить то же, что увидел и я. Маскировку необходимо улучшить, а может быть, и создать ложные позиции.

Самолет сильно швыряло; я вспомнил проверенный способ: чтобы «не укачаться», надо петь. Откуда-то всплыл в памяти и мотив «Орленка». Слов я не помнил и поэтому повторял без конца одну и ту же фразу: «Не хочется думать о смерти, поверь мне, в семнадцать мальчишеских лет».

Продолжая наблюдение, я заметил в одном из поселков наши танки, автомашины, повозки. Меня, естественно, не радовали такого рода открытия — ведь беспечность, пренебрежение элементарными правилами маскировки живой силы и боевой техники оплачивались на войне дорогой ценой. Пока наносил новый объект на карту, а попросту — обводил его кружочком, немного отвлекся от всего остального.

Два «мессершмитта» справа возникли так неожиданно, словно проявились на чистой до этого, но экспонированной фотопластинке. Я, как уговорились, немедленно хлопнул летчика по правому плечу и, когда он обернулся, указал в сторону «худых», как их звали наши авиаторы. Пилот кивнул головой и резко бросил машину в левый разворот со снижением. Меня так придавило к сиденью и борту кабины, что стало не до наблюдений, а пилот, переложив У-2 в правый крен, вывел его на малую высоту и повел бредущим или стригущим — в этих тонкостях я так до конца и не разобрался — вдоль какой-то балки, видимо, в расчете нырнуть в нее, если возникнет необходимость.

Снова обретя способность к наблюдению, осмотрелся: «мессеров» не видно, наверное, не заметили нас. Но где же мы находимся? Летчика не спросишь, для этого пришлось бы расстегивать замок привязных ремней. Внимательнее взгляделся в пролетаемую местность. В отдалении слева проплыл какой-то населенный пункт. Сличил его с картой: так ведь это село Курлацкое! Значит, мы — над нейтральной полосой, сейчас залетим к немцам! Дотянулся рукой до пилота, хлопнул по плечу. Жестом показал: «Разворачивай машину на 180°!» И тут...

Около самолета пронеслась светящаяся трасса малокалиберных снарядов. Под сиденьем что-то звонко треснуло, левую ногу дернуло словно бы сильным электрическим разрядом. Мелькнула мысль, что, наверное, снаряд угодил в магнето, произошло короткое замыкание и искра попала в ногу. А летчик уже развернул машину на восток и вел ее, едва не касаясь колесами земли. Обстрел прекратился, под нами наверняка расположение советских войск. Теперь можно посмотреть, что там случилось с ногой.

Руками подтянул ногу вверх и увидел невероятное: стопы нет, из-под словно бы отрезанного голенища сапога свисают сухожилия, ручейками льется кровь... Значит, в ногу попала не какая-то искра, а осколок снаряда оторвал стопу с частью голени!

Я снова хлопнул пилота по плечу, показал на землю: «Садись!». Видимо, по выражению моего лица пилот понял, что действительно надо садиться. Он довернул машину, убрал газ, и немного времени спустя самолет уже катился по полю, подпрыгивая на неровностях. Сели.

— Что случилось, товарищ майор?

— Ногу оторвало.

— А у меня тоже несколько осколков в пояснице сидит, но, похоже, неглубоко.

Он с трудом вылез из кабины и направился к проходившей неподалеку дороге, по которой медленно двигалась повозка. Я же решил прежде всего остановить кровотечение. Снял поясной ремень, обвязал им ногу выше колена и закрутил с помощью пистолета. Получился довольно плотный жгут. Когда кровотечение прекратилось, я на одной ноге выбрался из кабины на крыло, а с него съехал на землю.

Было странно и страшно смотреть на изуродованную ногу, на обрывки сухожилий и при этом не чувствовать никакой физической боли. Тем временем пилот перехватил на дороге и подогнал к самолету повозку. Вместе с возницей усадили меня на нее, вывезли на большак. Долго бы трястись мне на конном транспорте, но вскоре к нам подъехал «виллис». В нем сидел подполковник — начальник политотдела той самой дивизии, в которую я так и не долетел. Он пересадил меня в машину и приказал шоферу гнать в медсанбат. Оказалось, что с КП дивизии видели все происшедшее с нами и подполковник выехал специально на помощь.

— Сейчас я доставлю вас в медсанбат. Там помогут.

— Спасибо. Сколько раз был в бою и под бомбежками. Сто раз могли убить, но чтобы так глупо ранили! Если бы раньше сказали, никогда не поверил бы.

— Глупых и умных ранений не бывает. Сделают вам протез, майор, будете еще танцевать.

Ехали мы по пыльной дороге. К сожалению, ни у кого из нас не оказалось перевязочных средств. На припекаемую солнцем открытую рану садилась поднятая «виллисом» пыль, и ее края чернели на глазах. Невольно подумалось, как бы не произошло заражение крови, о последствиях которого я достаточно был слышан. А боли не было.

Когда добрались до поселка Водяной, где размещался медсанбат 347-й стрелковой дивизии, выяснилось, что он убыл к месту новой дислокации соединения. Но сюда уже приехали два хирурга из состава 228-го отдельного медико-санитарного батальона 151-й стрелковой дивизии и как раз готовились оперировать двух бойцов, раненных осколками мин, пешком пришедших с передовой. Поскольку ранения у них были легкими, меня буквально с ходу уложили на операционный стол, промыли, обработали рану, наложили на нее повязку и сделали какие-то уколы. А боль все не появлялась, и это уже начало беспокоить своей необъяснимостью. Рядом со мной в комнате на соломенных матрацах, уложенных прямо на полу, находились еще человек десять раненых. Многие из них стонали. А мне не было больно.

Но вот к утру нога разболелась, и по-настоящему. Не произоиди этого, увезли бы меня на прибывшей из штаба фронта автомашине, отправили бы в тыловой госпиталь, на что требовалось определенное время. А оно, как оказалось, было уже на вес золота. Когда боль разгулялась вовсю, меня перенесли в соседний домик, где размещались операционная и перевязочная. Разбинтовали ногу.

Взглянув на нее, подполковник медицинской службы нахмурился, я сразу почувствовал неладное, приподнялся и увидел, что нога неузнаваемо опухла, покраснела, на ней четко выделялись синие пятна. Понял, что дела мои плохи...

Подполковник сказал, произнося слова с заметным грузинским акцентом:

— Режьте сколько надо, только одним разом.

— Все будет хорошо.

Оперировали меня в полдень 29 июня. Подошли два санитары. Один стал держать ноги, другой — руки. Медсестра положила на лицо большой кусок ваты, пропитанный эфиром. Эфир потек по лицу, попал в рот, стал жечь во рту. Говорить не могу. Хотел показать рукой на рот, но только шевельнулся, еще крепче навалился на нее санитар. Подумал: «делайте, что хотите». Вздохнул глубоко два-три раза и больше ничего не помню.

А очнувшись после наркоза, на следующий день, часов в пять утра, я увидел, что лежу в незнакомой комнате на деревянной кровати под лоскутным одеялом, а рядом, на коротком и узком диванчике, поджав ноги и подложив под голову планшетку, спит оперировавший меня подполковник. Отдыхал он чутко, как, вероятно, отдыхают у постели больного все те, кто пришел в медицину по велению сердца.

Потихоньку откинул одеяло и удивился. Я был уверен, что ногу мне отнимут выше колена, а оказалось, что колено сохранено, да и голени осталось две трети. Боль сильная.

Подполковник, как только я завозился, встал.

— Как дела, майор?

— Спасибо. Чувствую себя неплохо. Но вот только нога болит. Подполковник сильно сжал ногу выше колена:

— Здесь больно?

— Нет, ниже колена, — ответил я.

— Тогда все в порядке. Ниже колена мы сделали глубокие продольные разрезы, чтобы дать выход инфекции. Хорошо, что Вы никуда не поехали, делали операцию здесь. Успели захватить газовую гангрену в самом начале ее развития. Еще бы полтора-два часа промедления, и было бы плохо. А теперь наберитесь терпения: сделают Вам протез, и вернетесь Вы к нормальной активной жизни, к семье, к любимому делу. Ну, а мне пора идти к другим раненым. До свидания.

— Спасибо, доктор.

На том мы расстались. Больше я никогда его не видел. И сколько потом раз я ругал себя за то, что не спросил, не запомнил фамилию человека, спасшего мне жизнь. Только спустя десятилетия начал его искать. Чтобы узнать фамилию подполковника, пришлось обратиться в архив Военно-медицинского музея Министерства обороны СССР и Центральный архив МО СССР. Благодаря их помощи я теперь точно знаю, что это был старший хирург 228 ОМСБ подполковник Чанкветадзе Андрей Мелитонович, который прослужил в Советской Армии до 1961 года и после этого уехал в Тбилиси. Я обратился к своему другу Д.В. Чхеидзе с просьбой выяснить судьбу этого прекрасного хирурга и человека. Ответ пришел очень быстро, но, к сожалению, был печальным: А.М. Чанкветадзе скончался в 1964 году в возрасте 56 лет. Его семья любезно передала мне несколько его фотографий. Трудно узнать на них молодого подполковника, оперировавшего меня в 1943 году. Но это, безусловно, он. Списавшись с его семьей, я узнал, что его жена, Елена Макаровна, бу-

лучи в те памятные годы медсестрой 228-го ОМСБ, помогала Андрею Мелитоновичу во всех операциях и, как оперировали мне ногу, запомнила. К сожалению, сейчас ушла из жизни и она.

А тогда другая сестра, совсем еще девочка, пришла ко мне с лекарствами и в своей ребячьей неопытности стала рассказывать:

— Товарищ майор, хорошо, что Вы очнулись. А мы думали, что Вы умрете во время операции. У Вас дыхание остановилось, и Вы стали синий-синий. Подполковник сказал, что это потому, что Вам пришлось дать наркоз в состоянии сильного шока (она особенно четко и даже с удовольствием, что может повторить такие умные слова произнесла «состояние сильного шока»). Подполковник заставил Вас искусственное дыхание делать. И мы руками вашими двигали, двигали, пока Вы вздохнули. Дышите, а в себя не приходите. Подполковник сказал: «Ничего, несите его ко мне, очнется». Это Вы на его постели лежите. Вот и очнулись. Хорошо, что не умерли, не зря мы старались.

Сколько же спасли жизней, сколько раненых вернули в строй, в души скольких растерявшихся под жестокими ударами судьбы воинов вдохнули веру в их силы и возможности, в достойное человека будущее наши фронтовые медики. Одним из таких был Андрей Мелитонович Чанкветадзе.

Поскольку опасность миновала, меня в тот же день на грузовой автомашине вместе с другими ранеными отправили в Ростов-на-Дону. При оформлении документов перед отъездом мне не вернули пистолет.

— Товарищ майор, пистолет вы получили на общих основаниях или он является наградным?

Я понял, что его отдавать мне не собираются.

— Это подарок начальника штаба полка в сорок первом году, — попробовал я его отстоять. Понимал, вряд ли мне будет нужен пистолет, а расставаться с ним было жалко.

— Но приказ о награждении был?

— Нет, не было.

— Тогда мы не можем вам его вернуть. Оружие мы обязаны сдавать. Все верно. А жалко было расставаться с пистолетом. Несколько раз спасал он мне жизнь. Последний раз — когда я накручивал жгут на ногу, чтобы остановить кровотечение после ранения.

И тогда только я впервые со всей очевидностью осознал, что я инвалид и не вернусь в боевой строй, с которым еще недавно собирался связать свою дальнейшую жизнь. Могу заверить, что по эмоциональному воздействию расставание с личным оружием значительно сильнее, чем его получение, считавшееся на фронте само собой разумеющимся.

Погрузили меня вместе с другими ранеными на грузовую машину. Теперь, после операции, путь от Водяного до Ростова — какие-нибудь 70–80 километров — оказался трудным. Как ни старался шофер вести машину поаккуратнее, но фронтовая дорога оставалась таковой. Машину сильно бросало. Раненые невольно ругались. Больно было и мне, но я этому даже радовался: «Больно — значит шока больше нет». Что такое «шок», я в общем-то не знал, но со слов сестрички понял, что «шок» это плохо.

К вечеру мы приехали в Ростов-на-Дону. Госпиталь находился в подвальном помещении. Очень скоро меня навещил Степан Андреев. Пришел взволнованный. Расспрашивал о самочувствии. Старался подбодрить. Вот

с этого момента и началась наша большая дружба, которую мы пронесли через всю жизнь.

В ростовском госпитале пробыл недолго, но там наконец-то решился написать письмо родителям. Совсем умолчать о ранении было нельзя, но не хотелось сразу раскрывать всю правду — ведь она могла бы показаться сознательно преуменьшенной ради того, чтобы скрыть что-то более серьезное. Поэтому, сообщив, что при полете около линии фронта вражеская пуля задела мне ногу, что в настоящее время нахожусь в госпитале и рана постепенно заживает, я перешел к другим новостям: «Здесь меня навещает бывший однокашник по МГУ Степан Андреев, проявляющий прямо-таки трогательную, а главное, очень искреннюю заботу. Последняя особенно дорога, когда человек в беде. Вот почему я думаю, что у меня со Степаном сложится хорошая, прочная дружба». Аналогичное письмо я отправил и жене. Точными в тех письмах были только строки, посвященные Степану Сидоровичу Андрееву: мы действительно крепко и навсегда подружились. А вот относительно заживления раны дело обстояло неважно: шли дни, менялись лечебные учреждения, пейзажи за окнами палат, а систематические мучительные перевязки продолжались.

5 июля из Ростова санитарный поезд доставил меня в город Зерновой (ныне Зерноград). Здесь я попал к врачу Нине Антоновне Чумаковой, которую вспоминаю с глубокой благодарностью. Относилась она к раненым не только как врач, а как любящая старшая сестра или мать.

Между тем положение у меня было довольно тяжелым, температура поднималась за 38°. Оказались мучительными перевязки. Продольные разрезы на ноге, спасшие колено, были глубокими и большими. В них закладывалась марля, которую при перевязках меняли, отрывая прямо от живого мяса. Боль при этом была жестокой, и так каждый третий день. Но по сравнению с другими ранеными, хотя я и считался «тяжелым», это было терпимо.

В перевязочной стояли два стола. Один раз, когда мне делали перевязку, на соседнем столе лежал раненый, подорвавшийся на mine. У него оторвало обе ноги, левую руку, снесло лоб и при этом вытекли глаза.

Он спрашивает:

— Доктор, я буду видеть?

— Будешь, милый, будешь!

— Это хорошо. Это самое главное. Говорят, сейчас хорошие протезы делают. А у меня на левой ноге даже колено сохранилось. И правая рука есть. Без левой-то легче прожить, чем без правой. Мне бы только видеть. Это хорошо, что я буду видеть, — повторял он. Сколько же жизненных сил у человека, если после такого ранения он живет и мечтает только об одном — видеть?! Что впереди у этого парня? Какая судьба? Проклятая война!

В Зернограде узнал я о разгроме немцев под Курском. Как мы все радовались! Радовались и завидовали, что нас там нет.

Пролежав в местном госпитале несколько дней, я сообщил уже подготовленным, на мой взгляд, родным всю правду о ранении, чтобы при встрече они не увидели худшего, чем ожидали. Жене я писал 20 июля: «Прошу тебя, не волнуйся и не очень расстраивайся — ведь за два года пребывания на фронте могло случиться и не такое, не раз и не два приходилось смотреть смерти в глаза, терять боевых товарищей. А рана заживет, сделают хороший протез, и я вернусь к нормальному образу жизни, смогу работать там, где понадобятся мои знания и опыт».

А скитания по госпиталям продолжались. 25 июля меня отправили в тыл. Поезд от станции Верблюд тронулся на юго-восток, как мы вскоре узнали от медперсонала — в Баку. Санитарный поезд состоял из пассажирских вагонов, в которых койки были прикреплены в два ряда вдоль стен. Я лежал наверху и смотрел в окно. Путь до столицы Азербайджана оказался далеко не безопасным. На одном из перегонов, неподалеку от Тихорецка, паровоз дал длинный гудок, извещая о воздушной тревоге, поезд остановился. Способные передвигаться выбрались из вагонов, рассыпались по полю. Я же, как и многие тяжелораненые, остался лежать на койке и сквозь окно с возраставшей тревогой наблюдал, как, приближаясь к нам, заходили на бомбежку три «Юнкерса-88». Для меня не было секретом, что на выполнение таких заданий назначались самые опытные экипажи и особенно рассчитывать на промах врага не приходилось. И вновь, как два года назад, когда застал меня воздушный налет в теплушке, испытал я чувство беспомощности и беззащитности перед вооруженным до зубов, беспощадным врагом. Нельзя даже прижаться к земле. Лежишь на койке и ждешь: попадут в тебя или не попадут. Пожалуй, не ждешь, а оцениваешь. Потому что в окно было видно, и как пикируют самолеты, и как отрываются бомбы, и где они рвутся. Как нелепо, несправедливо было бы погибнуть не в бою, а на пути от линии фронта в глубокий тыл.

Трудно объяснить, каким образом фашисты промазали, сбрасывая бомбы среди бела дня с небольшой высоты по такой уязвимой цели, как стоявший неподвижно железнодорожный состав, да еще не встречая никакого противодействия. Но это было так, ни одна бомба в санитарный поезд не попала. Однако были убиты и ранены несколько человек, выбежавших из вагонов.

Через Тихорецкую нас быстро «протолкнули», и дальше мы уже спокойно доехали до Баку.

Вечером 28 июля в Баку нас направили в пункт, где происходило распределение по госпиталям, а 30 июля меня определили в госпиталь с запомнившимся, типичным для военного времени, адресом: Баку-8, часть 972, корпус 1. Из окон была видна электрифицированная железная дорога. Улицы, перпендикулярные нашей, резко поднялись в гору, где-то совсем рядом был небольшой рынок. Весной 1980 года я в третий раз после войны был в Баку, с помощью водителя такси нашел дом, где был наш госпиталь. Внутри он сильно перестроен. Теперь в этом здании находится республиканский институт курортологии.

Поместили на третьем этаже в так называемую «офицерскую» палату. Это была довольно большая комната, где лежало четырнадцать человек, большинство с ранением в ноги. Некоторые были более тяжелые, чем я. Так, молодой капитан Николай (фамилии не помню) потерял всю левую ногу и было ясно, что никогда никакой протез ему уже не надеть. Всю жизнь придется ходить на костылях.

Встретили товарищи дружелюбно. Расспросили, кто, откуда, при каких обстоятельствах ранило. Оказалось, что у каждой палаты есть шефы, которые приносят книги, газеты. Можно покупать фрукты. Деньги у меня были, и я набросился на помидоры, груши, сливы, яблоки. Может быть, они помогли, а может быть делало свое дело время, но температура стала снижаться.

Первая перевязка была 2 августа. Я надеялся, что будет не так болезненно, но боль по-прежнему оставалась сильной. Палатный врач, женщина в очках, очень внимательная и, наверное, опытная, хотя до войны она не была хирургом, а работала гинекологом.

Через неделю начал пробовать сидеть и стоять. Последнее было особенно нелегко, потому что кровь приливала к ноге и становилось очень больно. Понял, что надо тренироваться и постепенно привыкать, сразу не получится. Показали меня профессору. Говорили о нем как о человеке, который больше всего любит «резать».

Осмотрев мою ногу, профессор предложил сделать реампутацию. Я наотрез отказался и сказал, что если уж она потребуется, то буду проводить ее в Москве. Профессор не настаивал, заметив при этом:

— Ну, как хочешь. Если бы операция могла вернуть тебя в строй, я уговаривать не стал, положил бы тебя под нож как миленького. А так тебе самому решать, может, и в самом деле обойдется.

Неожиданно раны стали быстро заживать. Помог случай. У нас в семье не было принято есть чеснок. Между тем, многие в палате покупали чеснок. И однажды сосед протянул мне дольку:

— Попробуй, майор.

Я съел и захотелось еще. Тут же попросил кого-то сходить на базарчик и купить мне чеснока. На тумбочке лежат разные фрукты, а я набросился на чеснок. Ем его беспрерывно, какая-то непреодолимая потребность в организме.

Подошла очередная перевязка. Положили на стол. Разбинтовывают ногу. Закрыв глаза, стиснул зубы, только бы не вскрикнуть от боли. Боли нет.

Приподнялся и спрашиваю:

— Доктор, что случилось, почему боли не было?

— Я и сама не знаю, что случилось, но продольные разрезы все затянулись.

— Доктор, это чеснок!

— Может быть, может быть, — сказала она недоверчиво. Это было 19 августа. После этого жить стало легче.

Время в госпитале тянулось медленно, особенно для лежачих. Раненые, прикованные к постелям, использовали его, слушая радио, читая газеты, журналы, книги. И устное, и печатное слово воспринималось с огромным интересом и вниманием.

Как-то по просьбе товарищей я читал вслух только что вышедшую повесть Бориса Горбатова «Непокоренные». Тишина стояла в палате необыкновенная, казалось, люди боялись не только проронить слово, но даже застонать, хотя многие испытывали страдания. Да ведь все то, о чем писал автор, каждому из нас было близко и понятно. Позже я перечитал эту повесть, и она вновь меня взволновала. Но тогда временами у меня дрожал голос и на глаза навертывались слезы, которых я перестал стыдиться, лишь увидев такую же реакцию у моих слушателей. А ведь все они были закаленными в боях фронтовиками. Что-то не припомню, чтобы в других условиях чтение какой-либо книги вызывало такие же эмоции.

Из письма родителям от 9 сентября: «В последнее время радио и газеты каждый день приносят замечательные известия. Вы, конечно, и сами слышали, что наши войска, наступающие в Донбассе, уже освободили много населенных пунктов, в том числе такие города, как Таганрог, а вчера и Сталино. Трудно даже передать, как я рад за своих товарищей, которые вновь переживают ни с чем не сравнимую радость победы, видят, как бежит с поля боя враг. И надо же было случиться, что в такое долгожданное время я вышел из строя! До сих пор, читая или слушая сообщения Совинформбюро, я зримо представляю линию фронта не только на карте, но и как она выглядит»

на местности. Освобожденные от оккупантов населенные пункты для меня вполне реальны.

Теперь мои боевые товарищи идут вперед уже без меня. Но я горжусь тем, что в их сегодняшних успехах есть частица моего вчерашнего труда».

К этому времени я начал учиться ходить на костылях. И так в этом преуспел, что однажды дошел до здания Бакинского университета, посидел против него на лавочке и вернулся обратно. Поход оказался утомительным, еле дошел до своей кровати. Но зато испытывал удовлетворение: не такой уж я инвалид, захотел и дошел. Жить еще можно.

Время в госпитале текло утомительно медленно. Наверное, от этого я стал плохо спать. Каждую ночь ковылял на костылях в дежурку за бромом. Однажды шел я по темному коридору и не заметил лужу на кафельном полу. Костыль заскользил, и стал падать. Попытался устоять, «опершись» на несуществующую ногу. Упал. Рана заживала плохо.

Интуиция подсказывала мне, что реампутацию в Баку делать не надо, надо подождать до Москвы. Я попросился в Москву. Но с открытыми ранами не выписывали. У меня же продольные разрезы на ноге, заживая, стянули кожу и в результате кости оголились и медленно обрастали тонкой кожей. Наступил октябрь, а площадь раны почти не уменьшилась. Наконец, заведующая нашим отделением при очередной перевязке сказала:

— Хорошо, товарищ майор, я вас отправлю в Москву, но при одном условии: оформим так, будто рана у вас зажила, а если что случится, то скажете, что открылась она в дороге. И не потому, что я боюсь взыскания, просто хочу, чтобы вы в случае осложнения не пытались этого скрыть, а сразу же обратились к врачу.

25 октября в эвакогоспитале № 3682 я получил свидетельство о болезни, в котором помимо медицинского заключения содержался вывод:

«Следовать пешком может. В провожатом не нуждается...». Подобрали мне чистое красноармейское обмундирование, выдали пару новых то ли американских, то ли английских ботинок и выдавшую виды шинель. Итак, я еду в Москву!

Поезд в Москву отходил поздним вечером. Повезли меня на вокзал в санитарной машине. Провожала девушка — шеф, которую я видел в первый раз, но которая проявляла так много внимания и заботы, как будто мы с нею были давно знакомы. На вокзале выяснилось, что поезд формируется не в Баку, а идет на Москву из Тбилиси. Когда он придет в Баку, никто не знает, но билеты на него дают. С помощью моей спутницы я быстро получил билет: в офицерской кассе очередь устанавливалась по званию. Я был майор, да к тому же на костылях. В зале было много народу, большинство расположились прямо на полу. Пристроился и я. Моя провожатая беспомощно оглядывалась, не зная, что ей делать.

— Знаете что, девушка, давайте прощаться. Большое спасибо, что вы меня проводили. А теперь вам пора домой, а то скоро комендантский час и вам придется просидеть на вокзале до утра.

Поезд пришел около двух часов ночи. О его прибытии никаких оповещений не было. Просто в окно увидели подходящий состав, и кто-то крикнул: «Московский подошел». Все стали собирать свои вещи и бросились к дверям. Я обратился к одному лейтенанту:

— Товарищ лейтенант, помогите мне надеть вещмешок.

Идти в темноте, на костылях, в толпе бегущих людей с вещмешком за плечами, где лежали хлеб, консервы и

тяжелые ботинки, оказалось непросто. Кончилось тем, что я упал. Мне помогли подняться, и опять каждый побегал к своему вагону.

Мне повезло. Я довольно быстро добрался до нужного вагона. Но около него столпилось множество людей, и едва ли мне удалось бы пробиться к двери, если бы не один офицер.

— Товарищи, пропустите инвалида, — увещевал он людей, поддерживая меня под руку и постепенно протискиваясь вперед.

«Инвалид». Ведь это же обо мне! Впервые воспринятое так, это слово резануло слух. Но от правды никуда не уйдешь, надо ее принимать, какой бы жестокой она ни была. А возбужденные, стремившиеся поскорее пробиться в вагон и занять получше место люди расступались, пропуская нас вперед, помогли подняться по таким крутым теперь для меня ступенькам.

Это был вагон со средними и боковыми полками. Я остановился в начале вагона, чтобы отдышаться. Внизу на одной полке спал ребенок, на другой лежала женщина. Увидев меня, она сказала: «Не ходите дальше, товарищ майор. Там все места заняты. Я перейду к сыну, а вы занимайте мое место».

Моя новая знакомая сказала, что едет с сыном в Москву к мужу, который занимает «большую военную должность». Она оказалась славной женщиной. Мало того, что из-за меня она стала ютиться на одной полке с десятилетним сыном, она еще предложила мне вместе питаться, дала свое полотенце и вообще старалась во всем помочь. Спасибо ей за это. Я отдал свой паек на «общий стол», но понимал, что он очень скудный. Несмотря на то что вагон был набит пассажирами до предела, никто за всю дорогу на мою нижнюю полку уже не претендовал, хотя я, немало смущенный непривычным привилегированным положением, не раз выражал готовность «самоуплотниться». И сейчас с душевной теплотой вспоминаю трогательное отношение советских людей к раненым воинам, искреннее уважение к тем, кто пролил кровь в боях с врагами социалистической Родины.

Не помню, сколько дней мы ехали до Воронежа. В Воронеж поезд пришел ночью. Кругом железнодорожные составы, все ими забито. Поставили нас где-то далеко от вокзала. И вдруг завывли сирены, загудели паровозы — воздушная тревога. Невольно мелькнула мысль: неужели накроет бомбой здесь, почти рядом с Москвой. Захлопали зенитки. Потом разрывы бомб. Война ощутимо о себе напомнила в последний раз в Воронеже. Можно сказать, что моя война началась и закончилась в Воронеже.

Постукивая колесами на стыках рельсов, наш поезд неторопливо двигался к Москве, подолгу простаивая на станциях и полустанках. А на зеленые огоньки светофоров шли эшелоны с войсками и боевой техникой. На платформах, крытые брезентом, теснились орудия, танки, гвардейские минометы — грозное оружие, выкованное нашим героическим народом. Провожая взглядом воинские эшелоны, я не мог не радоваться тому, что теперь Красная Армия в достатке получала все необходимое для разгрома врага. Задумывался, конечно, и о будущем: о том, как приеду в Москву, где вновь увижусь с близкими людьми, вернусь к любимой работе. Надо было настраиваться на новую жизнь.

...В солнечный полдень поезд замедлил ход и остановился у перрона Павелецкого вокзала. Здравствуй, родная Москва! Прими своего бывшего солдата! ☺